

Д. И. Писарев

Промахи незрелой мысли

Д. И. Писарев. Литературная критика в трех томах

Том второй

Статьи 1864-1865 гг.

Л., "Художественная литература", 1981

Составление, подготовка текста и примечания Ю. С. Сорокина

OCR Бычков М.Н.

I

Прежде чем я приступлю к настоящему предмету моей статьи, я должен поправить один *промах* моей собственной *мысли*, которую я во многих отношениях считаю очень *незрелой*. Лет пять-шесть тому назад я прочитал раза два или три повести и рассказы графа Л. Н. Толстого, печатавшиеся тогда в "Современнике" ¹. Читал я их с увлечением; они мне очень нравились, но я был еще до такой степени молод, что решительно не в силах был бросить на них общий взгляд и вдуматься в настоящий смысл тех типов, которые изучил и воспроизвел граф Толстой. Внимание мое останавливалось на удивительно тонкой отделке мелких подробностей, ландшафтных, бытовых и преимущественно психологических. В эти дни моей самой ранней юности я был помешан, с одной стороны, на величии науки, о которой не имел никакого понятия, а с другой, на красотах поэзии, которой представителями я считал, между прочими, г. Фета и моего университетского товарища, г. Крестовского. Прочитавши повести Толстого, я, разумеется, решил, что Толстой - поэт и что я должен быть ему очень благодарен за доставленное мне эстетическое наслаждение. В 1860 году в моем развитии произошел довольно крутой поворот - Гейне сделался моим любимым поэтом, а в сочинениях Гейне мне всего больше стали нравиться самые резкие ноты его смеха. От Гейне понятен переход к Молюшотту и вообще к естествознанию, а далее идет уже прямая дорога к последовательному реализму и к строжайшей утилитарности. Когда эти переходы совершились, тогда, конечно, всякую чистую художественность я с величайшим наслаждением выбросил за борт. Мне так много надо было читать, учиться и работать, что решительно не было возможности пересматривать отдельно каждую из тех безделушек, которые составляли в совокупности пеструю кучу поэзии, возбуждавшей недавно мои юношеские восторги. Я осудил и осмеял в своем уме всю кучу гуртом, не боясь ошибиться, потому что общее впечатление было еще очень свежо в моей памяти. Память меня не обманула, но ведь память сохраняет только то, что вы сами даёте ей на сохранение. Если вы в сумерках рассматривали какую-нибудь материю, которая тогда показалась вам прочною и красивою, то память так и отметит у себя, что, мол, в таком-то магазине есть такая-то материя, прочная и красивая. Но будет ли замеченная материя действительно соответствовать вашим ожиданиям, не разочаруетесь ли вы в ее достоинствах, когда увидите ее днем? - это уже такие вопросы, на которые никак не может отвечать ваша память. Память моя говорила мне, что пестрая куча нравилась мне своею чистою художественностью. Ум мой отвечал на это: значит, никуда не годится! - Но не было ли в этой куче, кроме чистой художественности, каких-нибудь золотых крупинок мысли, не замеченных и не оцененных мною в то время, когда я способен был восхищаться только сладкими звуками? - это такой вопрос, которого не могли решить ни память, ни ум, произносивший свой приговор на основании общих воспоминаний. Вот тут-то и случился промах. В статье моей "Цветы невинного юмора" я, мельком упоминая о литературной деятельности графа Толстого, замечаю, что публика отнеслась к ней довольно равнодушно, и объясняю это равнодушие тем обстоятельством, что в произведениях графа Толстого нет ничего, кроме чистой художественности². Это объяснение никуда не годится. В нынешнем году вышли сочинения Толстого в издании г. Стелловского³. Я прочитал "Детство", "Отрочество", "Юность", "Утро помещика" и "Люцерн". На этом я покуда остановился. Меня изумили обилие, глубина, сила и свежесть мыслей. Мне пришло в голову, что критика наша молчала о Толстом или, еще того хуже, говорила о нем ласкательные пустячки единственно по своему признанному бессилию и скудоумию. Добролюбову неловко было чересчур много говорить о постоянном сотруднике "Современника", ну, а кроме Добролюбова, - известное дело, - хоть шаром покати! Аполлон Григорьев, у которого, при всей его безалаберности, были очень живые